

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

УДК 902.2(470.41)

doi 10.17072/2219-3111-2017-4-192-201

«ВОЗРОЖДЕНИЕ» БОЛГАРА И СВЯЖСКА – НОВЕЙШИЙ ОПЫТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

*А. В. Овчинников*Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), 420111, Казань, ул. Московская, 42
ovchinnikov8_831@mail.ru

На примере Татарстана, одной из «национальных республик» в составе России, рассматривается новейший опыт конструирования образов исторической памяти, важнейшими из которых становятся позиционируемые в качестве «сакральных» архитектурно-археологические памятники Болгара и Свяжска. Болгар – один из городов небольшого средневекового государства Волжская Булгария (Средняя Волга), расцвет поселения приходится на эпоху Золотой Орды. С этого времени на территории Болгарского городища сохранилось несколько полуразрушенных каменных сооружений. Свяжск был основан недалеко от Казани в 1551 г. как военная база для захвата города Иваном IV Грозным. На острове сохранились монастыри и церкви XVI – начала XX в. С 2010 г. эти памятники постепенно превращаются в крупные центры туризма и паломничества. Инициатором «возрождения» Болгара и Свяжска явилась региональная власть. Восстановление памятников сопровождается широкой кампанией по сбору средств среди местного населения. Болгар и Свяжск объявлены символами проживающих в Татарстане соответственно татар и русских. Вокруг этих объектов конструируются нарративы национальных историй, которые, по мнению автора, продуктивно изучать исходя из теории мифа К. Леви-Строса. Констатируется конфликтный потенциал таких бинарных построений, заключающийся в «символической сегрегации» «татарского, мусульманского» (Болгар – «центр татарского ислама») и «русского, православного» (Свяжск) историко-сакральных пространств, одновременно объединяемых в пределах административных границ Татарстана. Если отношения между региональной и федеральной элитами ухудшатся, то «болгаро-свяжский» миф может стать одной из основных «отправных точек» квазиобъяснения обострения межэтнических и межконфессиональных отношений.

Ключевые слова: Татарстан, Болгар, Свяжск, М.Ш. Шаймиев, «татарский ислам», историческая память, миф.

С распадом СССР и демонтажем коммунистической идеологии, долгое время игравшей роль своеобразной «религии» с общеобязательными ритуалами и мифическими сюжетами, все более четко стал проявляться мировоззренческий кризис миллионов вчерашних «советских людей». В результате начались самостоятельные духовные поиски, ведущие в лоно как «традиционных» религий, так и экзотичных, например, восточных, культов и сект. Одновременно государственные институты делали усилия по поиску «национальной идеи». Обозначенные тренды находятся в сложных взаимоотношениях. Самостоятельная активность граждан фактически приводит к конструированию альтернативных, нередко противостоящих официально декларируемым, идеологий и идентичностей. Символическим выражением последних часто выступают пространственно локализованные материальные объекты, наделяемые сакральными свойствами. Нередко данную роль играют получившие известность в СМИ археологические памятники (например, «прославившийся» своей мифологией и паранаукой Аркаим в Челябинской области, погребения на плато Укок на Алтае, артефакты в районе деревни Окунево Омской области, Долина царей в Тыве, дольмены на Кавказе и т.д.).

«Новые сакральные пространства» привлекают внимание исследователей [Шнирельман, 2014, 2015]. А.Г. Селезнёв и И.А. Селезнёва, изучающие феномен Окунево, превратившегося из мало кому известной деревни в центр различных религиозных объединений и социальных групп

[Селезнев, 2014; Селезнева, 2014], в качестве методологического инструментария предлагают использовать разработанную А. Лидовым концепцию «иеротопии». Данное понятие означает «создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры такого творчества» [Селезнев, Селезнева, 2016, с. 78].

К перечисленным новым сакральным пространствам можно отнести окрестности села Свяжск в Зеленодольском районе и города Болгар в Спасском районе Татарстана. Находящиеся в их пределах архитектурные и археологические памятники с 2010 г. стали актуализироваться в региональной печати и за короткий срок из мало кому известных даже в Татарстане превратились в мощный центр туризма и паломничества, а их образы стали одними из главных символов этой средневожской республики. Нарративы о сакральных памятниках Болгара и Свяжска сделались неременным атрибутом местных национальных историй. В официальных изданиях Болгар позиционируется как «...некое сакральное пространство, где включается генетический код памяти, где каждый ощущает себя частью цельного исторического полотна, сотканного за сотни веков поколениями предков» (Древний Болгар..., 2014, с. 8, 9). На одной из прошедших в Татарстане научных конференций признавалось, что «духовное пространство Свяжска наглядно демонстрирует вовлеченность территориально ограниченной сакральной единицы в глобальные процессы цивилизационного и духовного развития России во всей его разноплановости и многовекторности» (Ермошин, 2015, с. 57).

Актуальность изучения «болгаро-свияжского» случая определяется тем, что он представляет собой новейший опыт конструирования основанных на образах исторической памяти региональной и этнорелигиозной идентичностей, а также ассоциируемых с ними сакральных мест. За последние шесть лет создан значительный корпус историографических, публицистических, электронных, аудиовизуальных и вещественных источников, позволяющих начать научный анализ данного явления. Характеризуя степень изученности темы, следует признать, что имеющиеся на сегодняшний день публикации татарстанских авторов, выдержанные в стиле «интеллектуального одобрения», представляют интерес в качестве источников исследования (Бухараев, 2013; Бухараев, Мягков, Набиев, 2016; Валеев, 2016 и др.). Целью статьи является анализ особенностей и возможных последствий конструирования исторических образов Болгара и Свяжска в контексте региональной политики памяти, а также рассмотрение соответствующих нарративов с позиций теории мифа.

Главное отличие Болгара и Свяжска от перечисленных в начале статьи объектов мифотворчества заключается в том, что инициатором и главным актором их «возрождения» является региональная власть, небезуспешно стремящаяся к созданию собственной, лишь условно интегрированной с общефедеральной идеологии. О том, что «татарские мусульманские» и «русские православные» памятники стали частью «большой политики», говорит тот факт, что внимание на них было обращено после отставки президента Татарстана М.Ш. Шаймиева со своего поста, который он занимал с 1991 по 2010 г.

В 2010 г. начал деятельность некоммерческий Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан (далее – Фонд «Возрождение»), который возглавил М.Ш. Шаймиев. Главной целью фонда объявлялась реконструкция архитектурно-археологических памятников Болгара и Свижска. Болгар – один из городов небольшого средневекового государства Волжская Булгария, расцвет поселения приходится на золотоордынский период. С этого времени на территории Болгарского городища сохранилось несколько полуразрушенных каменных сооружений. Свяжск был основан недалеко от Казани в 1551 г. как военная база для захвата города Иваном IV Грозным. На острове сохранились монастыри и церкви XVI – начала XX в. До появления фонда остров Свяжск представлял собой труднодоступную и депрессивную территорию, на которой располагалась психиатрическая больница.

Болгар и Свяжск были объявлены символами проживающих в Татарстане соответственно татар и русских. «Возрождение» памятников стало ассоциироваться с вековыми добрососедскими отношениями между народами и восприниматься как очередной шаг на пути сохранения и упрочения межэтнического и межконфессионального мира в республике. Следует заметить, что сюжет «разных культур» и недопущения «межнационального конфликта» активно использовался

элитой Татарстана еще в начале 1990-х гг. в ходе борьбы с Федеральным центром за ресурсы региона. После отставки М.Ш. Шаймиева в местных СМИ риторика «диалога культур и цивилизаций» заметно активизировалась, но в отличие от начала 1990-х гг. подчеркивались в основном позитивные и миролюбивые аспекты «межэтнического» взаимодействия. Однако оппозиционность общенациональной идеологии все же давала о себе знать. Так, в одном из своих выступлений 2015 г. М.Ш. Шаймиев противопоставил концепту «русского мира» «мир ислама», который «пришел» в Татарстан через волжских булгар (Шаймиев, 2016, с. 5).

Если учесть, что в рамках официальной идеологии государственность Татарстана мыслится прежде всего как форма существования этнических групп (татар, русских и др.) с их народными («этнографическими») культурами, то, по моему мнению, не будет большим допущением признать неязыческий характер этой идеологии. Так, М.Ш. Шаймиев, видимо, искренне не понимал, почему в Болгаре, именуемом центром «татарского ислама», нельзя установить двенадцатиметровую статую «Хранительницы» – фантастического чудовища в виде крылатого барса – тотема предков татар (Минтимер Шаймиев..., 2016). Остров-град Свияжск с его православными святынями все чаще ассоциируется с легендарным «островом Буяном». Каждое лето здесь, как и в Болгаре (Фестиваль средневекового..., 2016), проводятся реконструкции средневековых военных сражений, в большом количестве продаются «лубочные» предметы русской народной культуры (Комплекс исторической...).

Интереснейшим сюжетом является объявленный сразу же после отставки М.Ш. Шаймиева и продолжающийся вплоть до настоящего времени сбор добровольных пожертвований в Фонд «Возрождение». Видимо, мы имеем дело с архаичным политическим институтом, фиксируемым историками и социально-культурными антропологами в потестарных (и) или раннегосударственных образованиях и основанным на реципрокно-редистрибутивных («дарительно-перераспределительных») отношениях (подробнее см. [Овчинников, 2016, с. 120]).

«Отдарок» неформальному лидеру может быть не только денежным или трудовым, но и символическим. Коллективы татарстанских историков стали буквально «воспевать» Болгар и Свияжск. Выяснилось, что в границах того же Болгара «сохранены все элементы, которые позволяют представить возникновение, ход и результаты эволюции важного для России и мира региона, жизнедеятельности людей и народов» (Валеев, 2016, с. 461). Реципрокные коннотации обнаруживаются, например, в утверждении о том, что «на протяжении более 15 веков этот объект (Болгар. – А.О.) оказывал устойчивое воздействие на развитие архитектуры, технологий, монументального и декоративного искусства, градостроительства, сферы духовной культуры Евразии» (Валеев, 2016, с. 463).

В случае Болгара мифизация истории нередко граничит с её фальсификацией. Рассмотрим конкретные примеры. Вопреки сведениям исторических источников безапелляционно утверждается, что «именно здесь в 922 году предками современных татар добровольно был принят ислам» (Древний Болгар..., 2014, с. 4). В «Записках» Ахмеда ибн-Фадлана, единственном дошедшем до нас источнике, повествующем о принятии правителем нескольких булгарских племен Алмушем ислама, о Болгаре ничего не говорится. Лично побывавший в 922 г. в Волжской Булгарии Ахмед ибн-Фадлан не увидел там никаких городов. Он констатировал, что у булгар «нет помещений, в которых они складывали бы свою пищу» (Путешествие..., 2004, с. 31), и «все они [живут] в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая...» (Путешествие..., 2004, с. 32). По ходу своего рассказа Ахмед ибн-Фадлан в качестве одного из мест нахождения ставки (в прямом смысле – юрты) Алмуша называет местность трех озер (Путешествие..., 2004, с. 34). Видимо, это территория современного села Три Озера, примерно в 8 км от Болгарского городища. Однако точного указания на то, что именно здесь произошло официальное принятие ислама кочевником Алмушем, часто менявшим места своей ставки, в источнике нет. Географически определить этот район можно лишь приблизительно – пределы Западного Закамья. Между тем директор Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ А.Г. Ситдинов счел возможным «приписать» Ахмеду ибн Фадлану несуществующее сообщение о том, что якобы «в Болгаре есть мечеть» (Айрат Ситдинов..., 2012).

За несколько лет до начала деятельности Фонда «Возрождение» и активного превращения Болгарского городища в центр «татарского ислама» другой сотрудник этого же института и признанный глава татарстанских булгароведов Ф.Ш. Хузин (Средневековая археология..., 2016)

место встречи правителя болгар с посольством багдадского халифа определял примерно в 50 км от Болгар, в районе с. Измери Спасского района Татарстана (Хузин, 2009, с. 154). В своей монографии он утверждал, что «...посольство благополучно миновало округу современного Болгарского городища (выделено мною. – А.О.) и остановилось где-то в районе (рек. – А.О.) Ахтая–Безды, недалеко от реки Атиль-Итиль (так называлось и нижнее течение Камы), где археологам хорошо известно несколько крупных торгово-ремесленных поселений X–XI вв. Среди них выделяется обширное (площадью около 60 га) Измерское поселение с чрезвычайно богатыми находками раннедомонгольского времени. Есть определенные основания локализовать ставку Алмуша и место его встречи с посольством (багдадского халифа. – А.О.) Муктадира именно в этом районе» (Хузин, 2001, с. 135). Ф.Ш. Хузин поддерживал точку зрения своего учителя А.Х. Халикова о «всемирном» принятии ислама в районе р. Малый Черемшан, где возник Биляр – самый большой из болгарских городов (примерно в 87 км от Болгара по прямой). Более того, Ф.Ш. Хузин предполагал, что ислам был принят в бывшем языческом святилище (урочище «Святой ключ», в котором до сих пор совершаются языческие ритуалы) (Хузин, 2001, с. 136). В новых политических условиях эти построения оказались более чем неудобными, и Фаяз Шарипович вместе со своими многочисленными учениками не стремится опровергать миф о Болгаре как месте принятия волжскими болгарскими ислама (тем более, что его в своих официальных выступлениях озвучивает М.Ш. Шаймиев: «Болгар – памятник IX–X веков, место добровольного принятия ислама на северных территориях») (Шаймиев, 2015, с. 7).

Потребность в конструировании важного для татарского этнонационализма мифа о якобы прибывших в Болгар сахабах – сподвижниках пророка Мухаммеда (с недавних пор здесь хранятся его волосы – Сулейманов, 2016) и о связи возникновения города с походами «престижных» гуннов, которые «способствовали падению Рима и обеспечили переход от античности к периоду средневековья», заставляет искусственно удревять возраст Болгарского городища до полутора тысяч лет (Валеев, 2015, с. 144).

Идеологическая необходимость сакрализации Болгара вмешивается в дискуссию археологов, часть которых утверждает, что города в Волжской Булгарии появились только в 40-е гг. X в. или еще позднее (Казаков, 2008, с. 34–39), т.е. через несколько десятилетий после принятия в 922 г. частью болгар ислама (противоположное мнение см. (Хузин, 2011)). Официальные однозначные утверждения о Болгаре как столице Волжской Булгарии не согласуются с научным дискурсом, в рамках которого еще не закончена полемика между сторонниками столичности Биляра в X–XIII вв. (Халиков, 1973) и исследователями, признающими столицами, соответственно, Болгар в X–XI, XIII–XIV вв., а Биляр – в XII в. (Смирнов, 1972) (подробнее о дискуссии см.: Руденко, 2014, с. 505–508).

Видимо, главный секрет корпоративной «солидарности» татарстанских историков заключается во все тех же реципрокных обязательствах ученого перед коллективом, а коллектива перед властью – центром перераспределения ресурсов (судя по данным открытых аукционов, суммы контрактов только на архитектурно-археологические и антропологические исследования материалов Болгара и Свияжска составляют сотни миллионов рублей – Юдкевич, 2016).

Реципрокный компонент социально-политических отношений не мог не сказаться на самой мифологеме. По моему мнению, существует определенная связь между известной бинарностью мифа и феноменом реципрокности. Дарообмен предполагает наличие бинарных оппозиций и, видимо, неотделим от мифического мышления. Таковым по отношению к профессиональному историческому знанию, особенно к его методологической основе, является совокупность обыденных представлений об историческом прошлом. В этой связи следует обратить внимание на феномен, который можно условно назвать «коллективной интеллектуальной собственностью». Причем «главным собственником-историком» выступает высший чиновник, взгляды которого конкретизирует целая пирамида «нижестоящих», в которую входят и профессиональные ученые. Имеющий базовое сельскохозяйственное образование М.Ш. Шаймиев после отставки с поста президента увлекся историей и археологией. В одном из интервью он заявил буквально следующее: «...Серьезному ученому я бы предложил обратить внимание на мой свежий взгляд. Я ведь труды изучаю и наших ученых, и не только наших, историю и болгар, и татар, золотоордынский период» (Минтимер Шаймиев..., 2016). Вряд ли этот «свежий взгляд» вызовет возражения, наоборот, он будет развернут, дополнен и проиллюстрирован тщательно отобранным фактологическим материалом.

Активно транслируемые в массовое сознание исторические образы Болгара и Свияжска, на мой взгляд, продуктивно рассматривать исходя из теории мифа К. Леви-Строса. Противостоящими элементами мифической бинарной системы «История Татарстана» выступают Болгар («памятники татарской истории») и Свияжск («памятники русской истории»). Это противопоставление является частным случаем более широкой бинарной оппозиции: «русский народ» – «татарский народ». Через призму её «объясняется» вся палитра социально-экономических и политических отношений (тотально-синкретическая особенность этнического мифа особенно ярко проявляется в материалах региональных энциклопедических изданий) [Овчинников, 2013, с. 83]. Русский и татарский народы и их предки обменивались и обмениваются важными друг для друга элементами культуры, языка, хозяйства и т.д., оставаясь при этом отдельными культурными общностями. В дискурсе «болгаро-свияжского» мифа отмечается, что мир и добрососедство между жителями древней столицы (т.е. Болгара) стали базой для процветания в ней ремесел и искусства, науки и образования, медицины и торговли (Древний Болгар..., 2014, с. 9). Нормальный дарообмен – залог спокойствия, стабильности и недопущения конфликта, символом чего являются «благие дела» в отношении святынь двух состоящих в обменных отношениях сторон. Так, премьер-министр Татарстана «Ильдар Халиков отметил, что одновременное возрождение Болгара и Свияжска будет способствовать сохранению и укреплению межрелигиозного и межнационального согласия в республике» (Государственный Советник..., 2010). Казанские интеллектуалы мысль руководства конкретизируют с помощью все той же реципрокной схемы, но обретшей наукообразный вид: «В ... неоднозначной социально-культурной ситуации был сделан выбор в пользу конструирования интегрированной памяти татарского и русского населения на основе признания самоценности их культур и религий» (Бухараев, Мягков, Набиев, 2016, с. 301).

В традиционных обществах реципрокность была тесно связана с феноменом пира, который являлся концентрацией и одновременно выражением многих сторон общественных отношений. Презентующие опыт взаимодействия народов в прошлом нарративы этнонациональных историй актуализируют прошлое для настоящего, благодаря чему, как мне кажется, символически воссоздаётся ситуация пира [Овчинников, 2015а, с. 240]. Ещё в начале XX в. известный татарский поэт Г. Тукай писал, что «... в древние времена наша нация вместе с друзьями и товарищами – другими нациями жила себе тихо, бедно и безрадостно. Несколько веков чаевничала с ними как сотрапезница, и все вместе, не сытно и не голодно, спокойно и мирно жили свои дни» (Тукай, 2016, с. 1). Мотив «трапезы народов» присутствует и «болгаро-свияжском» мифе: «Перекликающиеся над водными просторами речитатив муэдзина, звон церковных колоколов, звук молота, преобразующего металл в руках ремесленника, запах свежее испеченного хлеба, приглашающий нас к дружеской трапезе, и небо, сияющее куполом, объемлющее город, – вот что такое сегодняшний Болгар» (Древний Болгар..., 2014, с. 8).

Согласно К. Леви-Стросу, бинарные оппозиции уравнивают образы-медиаторы. В данном случае, на мой взгляд, можно выделить три таких медиатора: персональный (пропагандируемый образ М.Ш. Шаймиева как политика, не допускающего межнационального конфликта) и два территориальных: Волга – река, на берегах которой находятся Болгар и Свияжск, а также Казань – «древняя столица Татарстана, находящаяся на пути из Болгара в Свияжск». Например, открывая одно из совещаний, «Президент Татарстана отметил, что ... на одной земле, на берегу Волги будет показан пример мирного сосуществования двух религий – ислама и православия» (Минтимер Шаймиев..., 2010). В одном из выступлений М.Ш. Шаймиев высказался о том, что «Болгар и Свияжск как культурно-исторические и духовные жемчужины республики имеют немало общего. Их объединяет великая река Волга» (Минтимер Шаймиев, 2015, с. 7), в другой раз он констатировал: «Как Болгар, так и Свияжск находятся на берегах Волги. Это великая русская река; Казань – это город, где веками мирно живут татары и русские, отлично уживаются православие и ислам» (Минтимер Шаймиев..., 2010).

Болгар и Свияжск на своём уровне также выполняют роль медиаторов. В Болгаре актуализируются Соборная мечеть и Успенский Собор. В местной печати периодически возникают споры о русских (славянских) памятниках в Болгаре (Таджи, 2013) и татарских – в Свияжске (Шаймарданов, 2012). Образы Болгара и Свияжска уравнивают в исторической перспективе образы «Запада» и «Востока». Так, с Болгаром связывают походы гуннов и монголо-татар с

Востока на Запад, а со Свияжском – продвижение с Запада на Восток границ Российского государства в середине XVI в. (Валеев, 2016, с. 462).

По К. Леви-Стросу, мифический сюжет в своем развитии переживает двойную перестановку функций, когда исходные противопоставления должны несколько раз изменить свою функциональную определенность, что придаёт мифу целостность и завершенность [Найдыш, 2010, с. 379]. Это положение подтверждается материалами «болгаро-свияжского» мифа. Как однажды отметил М.Ш. Шаймиев, «мы много говорим о потерях истории, они есть у каждого народа. У болгар было самостоятельное государство. А впоследствии оно попало в определенную зависимость. История каждого народа очень сложная. Кого-то завоевывали, кто-то сам побеждал» (Минтимер Шаймиев..., 2010).

Согласно логике мифа в зависимости от конкретных обстоятельств главный персонаж проявляет себя с противоположных (положительной и отрицательной) сторон [Найдыш, 2010, с. 379]. В связанной с Болгаром и Свияжском риторике можно часто услышать, что в истории взаимодействия русского и татарского народов были разные периоды, в том числе времена конфликтов. Другими словами, образ народа, а это, безусловно, один из главных персонажей мифа, несет в себе противоположные черты – «завоевателя» и «доброего соседа». Например, Свияжск позиционируется, с одной стороны, как база войск Ивана IV Грозного для завоевания Казани, с другой – как форпост православия в регионе и точка отсчета диалога двух культур.

Реципрокный «болгаро-свияжский» исторический миф, положенный в основу конструирования исторической памяти, на мой взгляд, имеет лишь видимость культурной консолидации и разрешения (между прочим, также конструируемых) проблем межэтнических и межрелигиозных отношений. Во-первых, вопреки мнению одного из казанских авторов, «возбужденная историческая память» (Бухараев, 2013, с. 72) отнюдь не умиротворяется, даже если бинарные образы наделяются положительными коннотациями. Если говорят: не думайте об «оранжевом апельсине» – о нем, конечно же, думают. Если бесконечно, как магическое заклинание, произносят формулу о толерантных межэтнических и межконфессиональных отношениях и недопущении межнационального конфликта, то сознание автоматически представляет и противоположный сюжет. Во-вторых, в духе культурного расизма, идеологии европейских «новых правых» (подробнее см. [Шнирельман, 2011, с. 151]), происходит символическая расиализация и сегрегация населения, «освященная» настойчиво актуализируемыми «сакральными местами». С учетом того, что в Татарстане разворачиваются ещё и так называемые «этногенетические исследования» (выясняются генотипы татар и русских – Минтимер Шаймиев..., 2015; Фадеева, Казанцев, Вильданова, 2015), культурный расизм путем конструирования образов историко-культурно-кровных «Других» имеет все шансы перейти в расизм биологический. В-третьих, вполне может быть заложен потенциал будущих конфликтов, так как реципрокность сама по себе конфликтогенна – сегодняшний плюс легко переходит в завтрашний минус. «Трапеза народов», что особенно в российских условиях всегда имеют в виду участники застолий, может превратиться в нечто иное. Если отношения между региональной и федеральной элитами обостряются (как было в начале 1990-х гг.), то те же самые болгарские памятники могут «превратиться» в «святой символ многовековой борьбы Татарстана за свои права», а о Свияжске заговорят прежде всего как о базе завоевательных походов Ивана IV Грозного.

Таким образом, анализ конструирования «болгаро-свияжского» мифа позволяет проследить особенности формирования исторической памяти в условиях региональной политической ситуации. Сами образы прошлого презентуются через сакрализуемые материальные объекты и соответствующие тексты, становящиеся обязательными для выказывания внешнего (т.е. не всегда искреннего) признания. Сам процесс признания, осуществляемый в основном через организацию разного рода мероприятий, во многом напоминает ритуал – акт, чья подготовка требует активации политических, социальных и экономических механизмов. Исторические нарративы оказываются их частью, что открывает широкие возможности для комплексного изучения феномена исторической памяти как современного общественного явления.

Примечания

¹ Публикация подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 15-33-01003 «Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Айрат Ситдиков: мусульманизация болгарских племен может быть связана с походами халифа Мервана в начале 700-х гг, 10.04.2012 // Информационно-аналитический портал IslamRF.ru. URL: <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusinterview/21591/> (дата обращения: 1.10.2016).
- Бухараев В.М. Проект «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свияжск» в контексте политики памяти // Социокультурный потенциал межконфессионального диалога: Матер.междунар. науч. конф. (Казань, 23–24 мая 2013 г.) / сост. и отв. ред. Р.А. Набиев. Казань, 2013. Вып. 23. С. 70–72.
- Бухараев В.М., Мягков Г.П., Набиев Р.А. Ценностные ресурсы исторической памяти в формировании комплиментарного образа «Другого» в полиэтничном сообществе // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти = Interconfessional cooperation in the area of historical memory: Междунар. науч. конф., Казань, 29–30 мая 2015 г. / под общ.ред. Р. А. Набиева; отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2016. С. 297–305.
- Валеев Р.М. Болгар – объект всемирного наследия ЮНЕСКО // Вестник Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. 2015. № 24. С. 140–159.
- Валеев Р.М. Болгар и Свияжск: их роль в культурном разнообразии и развитии науки Татарстана // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти = Interconfessional cooperation in the area of historical memory: Междунар. науч. конф. Казань, 29–30 мая 2015 г. / под общ.ред. Р.А. Набиева; отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2016. С. 461–468.
- Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев представил Республиканский фонд «Возрождение» ведущим журналистам федеральных СМИ, 3.12.2010 // Государственный Советник Республики Татарстан. URL: <http://shaimiev.tatarstan.ru/news/view/79874> (дата обращения: 1.10.2016).
- Древний Болгар (иллюстрированное издание). Казань: Дизайн-Центр А1, 2014. 156 с.
- Ермошин А. Духовное пространство Свияжска в истории России // Историко-культурное наследие Свияжска: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. «Историко-культурное и духовное наследие Свияжска» (г. Казань, с. Свияжск, 14–15 ноября 2014 г.) / под общ.ред. Р.М. Валеева. Казань: Изд-во Центра инновац. технологий, 2015. С. 56–62.
- Казаков Е.П. О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // FU (Финно-угрика). 2008. № 11. С. 34–39.
- Комплекс исторической реконструкции «Ленивый торжок» // Остров Свияжск. URL: <http://www.sviyajsk.ru> (дата обращения: 1.10.2016).
- Минтимер Шаймиев: «Если бы я не стал политиком, то был бы фермером», 3.09.2010 // Деловая электронная газета Татарстана «БизнесOnline». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/28412> (дата обращения: 01.10.2016).
- М. Шаймиев: «Возрождение Болгар и Свияжска имеет огромное значение для будущих поколений», 10.02.2010 // Информационное агентство «ТАТАР ИНФОРМ». URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2010/02/10/205444/> (дата обращения: 1.10.2016).
- Минтимер Шаймиев: «А это же связано с татарами. Какой покой может быть!» (21.11.2015) // Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес online». URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/146004/> (дата обращения: 1.10.2016).
- Минтимер Шаймиев предложил придумать другое название скульптуре «Хранительница», которую установят в Болгаре, 6.04.2016 // Официальный сайт Деловой электронной газеты Татарстана «БизнесOnline». URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/57430> (дата обращения: 01.10.2016).
- Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу / под общ.ред. Р.З. Махмутова. Болгар: Изд-во Болгар. гос. ист.-архит. музея-заповедника, 2004. 160 с.
- Республиканский фонд «Возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан». URL: <http://yanarysh.tatarstan.ru/> (дата обращения: 1.10.2016).
- Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Болгарии (X – начало XIII в.). Казань: Ред.-изд. центр «Школа», 2014. 768 с.
- Смирнов А.П. О столице государства волжских болгар // Сов. археология. 1972. № 1. С. 98–102.

Средневековая археология Волго-Уралья: сб. науч. тр. к 65-летию юбилею докт. ист. наук, проф., член-кор. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Казань: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. 164 с.

Сулейманов Р. Новые тенденции в российском исламе: реликвии как инструмент политики, 23.06.2016 // Muslem.Ru. URL: <http://muslem.ru> (дата обращения: 1.10.2016).

Таджи Ф. Славянами здесь и не пахло, 25.12.2013 // Независимая общественно-политическая газета «Звезда Поволжья». URL: <http://zvezdapovolzhya.ru/obshchestvo/zdes-slavyanami-i-ne-pahlo-25-12-2013.html> (дата обращения: 1.10.2016).

Тукай Г. Умерла ли наша нация или только спит? // Тюркский взгляд (Общeturкская культурно-просветительская, общественно-политическая газета). 2016. Апрель. (перев. В. Думаевой-Валиевой).

Фадеева Е., Казанцев В., Вильданова Э. Зачем в Казани ищут «код татар»? Масштабное исследование национального генома ценой в миллионы долларов поддержал Минтимер Шаймиев, 9.11.2015 // Деловая электронная газета Татарстана «БизнесOnline». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/144981> (дата обращения: 1.10.2016).

Фестиваль средневекового боя «Великий Болгар – 2016», 13, 14 августа 2016 г. // Фестиваль «Великий Болгар». URL: <http://www.bulgarfest.ru/> (дата обращения: 1.10.2016).

Халиков А.Х. О столице домонгольской Булгарии // Сов. археология. 1973. N 3. С. 83–99.

Хузин Ф.Ш. Булгарские города и проблема их происхождения // История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь / гл. ред. М. Усманов, Р. Хакимов. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 152–162.

Хузин Ф.Ш. Исследования по булгаро-татарской археологии. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2011. 467 с.

Шаймарданов А. Татарский вопрос в Свяжске, 18.12.2012 // Исламский портал. URL: <http://islamp1.tw1.ru/novosti/104/3807/> (дата обращения: 1.10.2016).

Шаймиев М.Ш. Приветствие к участникам конференции // Историко-культурное наследие Свяжска: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. «Историко-культурное и духовное наследие Свяжска» (г. Казань, с. Свяжск, 14–15 ноября 2014 г.) / под общ.ред. Р.М. Валеева. Казань: Изд-во Центра инновац. технологий, 2015. С. 4–12.

Шаймиев М.Ш. Приветствие // Межконфессиональное взаимодействие в пространстве исторической памяти = Interconfessional cooperation in the area of historical memory: Междунар. науч. конф., Казань, 29–30 мая 2015 г.: сб. матер. / под общ. ред. Р.А. Набиева; отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2016. С. 5–6.

Юдкевич М. Семь сотрудников фонда Шаймиева готовятся освоить 671 млн. бюджетных рублей и ждут «добровольных пожертвований», 06.07.2016 // Вечерняя Казань. URL: <http://www.evening-kazan.ru/articles/sem-sotrudnikov-fonda-shaymieva-gotovyatsya-osvoit-671-mln-byudzhetyh-rubley-i-zhdut-dobrovolnyh-pozhertvovaniy.html> (дата обращения: 01.10.2016).

Библиографический список

Найдыш В.М. Мифология: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.

Овчинников А.В. Этнонациональный дискурс в материалах Татарского энциклопедического словаря и Татарской энциклопедии (анализ методологических оснований) // История России и Татарстана: проблемы энциклопедических и науковедческих исследований: Сб. статей итоговой науч.-практ. конф. науч. сотр. Института Татарской энциклопедии АН РТ (г. Казань, 3–4 июня 2013 г.) / Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ. Казань: Изд-во ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2013. Вып. 5. С. 79–85.

Овчинников А.В. Роль национальных историй в конструировании социально-политического неравенства (по материалам Республики Татарстан) // История и теория цивилизаций: в поисках методологических перспектив: науч.-практич. конф., 29 сентября – 3 октября 2014 г. / отв. ред. Ф.Е. Ажимов. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2015а. С. 234–242.

Овчинников А.В. «Татарский ислам» в сравнении (к проблеме исламского корпоративизма) // Мусульманский мир. 2015б. № 4 (октябрь–декабрь). С. 113–121.

Овчинников А.В. Потестарные механизмы власти в современной России (на примере Республики Татарстан) // Власть и насилие в незападных обществах: актуальные проблемы

исследований: Сб. тез. / под ред. Г.В. Лукьянова, А.Л. Рябина, С.А. Рагозиной, И.А. Артемьева. М.: Изд-во ГБПОУ «Моск. гос. образоват. комплекс», 2016. С. 119–120.

Селезнёв А.Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // *Этнограф. обозрение*. 2014. № 5. С. 41–59.

Селезнёва И.А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // *Этнограф. обозрение*. 2014. № 5. С. 59–73.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Новые сакральные пространства, изобретение истории и глобальная информационная среда: деревня Окунево в Западной Сибири // *Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки*. 2016. № 3 (11). С. 76–86.

Шнирельман В.А. «Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма: в 2 т. М.: НЛЮ, 2011. Т. 1. 552 с.

Шнирельман В.А. Места силы: конструирование сакрального пространства. Введение к дискуссии // *Этнограф. обозрение*. 2014. № 5. С. 3–9.

Шнирельман В.А. Конструирование исторического наследия – случай Аркаима // *Сибирские ист. исследования*. 2015. № 2. С. 53–65.

Дата поступления рукописи в редакцию 28.12.2016

«REVIVAL» OF BOLGHAR AND SVIYAZHSK: CONTEMPORARY EXPERIENCE OF CONSTRUCTING HISTORICAL MEMORY

A. V. Ovchinnikov

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Moskovskaya str., 42, 420111, Kazan, Russia
ovchinnikov8_831@mail.ru

The paper examines contemporary experience of constructing images of historical memory on the example of Tatarstan. Bolghar and Sviyazhsk are positioned as “sacred” architectural and archaeological sites. Bolghar is a town of the small medieval state of Volga Bulgaria (Middle Volga). The heyday of the settlement falls on the Golden Horde period. On the territory of the Bolghar settlement, there are several ruined stone structures of that time. Sviyazhsk was founded by Ivan IV not far from Kazan in 1551 as a military base for capturing the city. Monasteries and churches of the 16th – early 20th centuries were preserved on the island. The main difference between Bolghar, Sviyazhsk and other Russian «new sacred spaces» is that the initiative and the main actions of the «revival» belong to regional authorities, who unsuccessfully seek to establish their own ideology only partially integrated with the federal one. The restoration of monuments is accompanied by a broad campaign for voluntary fund-raising among the local population. For these purposes, a non-profit regional Foundation for the revival of monuments of history and culture of the Republic of Tatarstan was organized. Bolghar and Sviyazhsk were announced as symbols of Tatars and Russians living in Tatarstan. Narratives of national history are constructed around these objects, and it is productive to study them from the perspective of Levi-Strauss’s theory of myth. The author states that there is a conflict potential of such constructions. If the relationship between regional and federal elites worsen, Bulgarian monuments can “ransform” into a “holy symbol of the centuries-old struggle of Tatarstan for their rights”, and Sviyazhsk will be announced primarily as the base of the conquests of Ivan IV.

Key words: Republic of Tatarstan, Bolghar, Sviyazhsk, Mintimer Shaimiyev, «Tatar Islam», historical memory, myth.

References

Naydysh, V.M. (2010), *Mifologiya: uchebnoe posobie* [Mythology: study guide], KNORUS, Moscow, Russia, 432 p.

Ovchinnikov, A.V. (2013), “The ethnonational discourse in the materials of the Tatar encyclopedic dictionary of the Tatar encyclopedia (analysis of the methodological grounds)”, in *Istoriya Rossii i Tatarstana: problemy ehnciklopedicheskikh i naukovedcheskikh issledovaniy: sbornik statey itogovoy nauchno-prakticheskoy konferencii nauchnyh sotrudnikov Instituta Tatarskoy ehnciklopedii AN RT* [The history of Russia and Tatarstan: problems and encyclopedic scientific studies: A collection of articles the final scientific-practical conference of researchers of the Institute of Tatar encyclopedia, Academy of Sciences of RT (Kazan, July 3-4)], RTSMKO, Kazan, Russia, Vol. 5, pp. 79–85.

Ovchinnikov, A.V. (2015a), “The role of national histories in the construction of socio-political inequality (on materials of the Republic of Tatarstan)”, in *Istoriya i teoriya civilizacij: v poiskah metodologicheskikh perspektiv: nauchno-prakticheskaya konferehtsiya: sbornik nauchnyh statey* [History and theory of civilizations: in search of

- methodological perspectives: scientific-practical conference, a collection of articles (Vladivostok, 2014, September 29–October 3)], Dal'nevostochnyy federalnyy universitet, Vladivostok, Russia, pp. 234–242.
- Ovchinnikov, A.V. (2015b), ““Tatar Islam” in comparison (to the problem of Islamic corporatism)”, *Musul'manskiy mir (nauchnyy zhurnal)*, October–December, № 4, pp. 113–121.
- Ovchinnikov, A.V. (2016), “Potestar mechanisms of power in modern Russia (on the example Republic of Tatarstan)”, in *Vlast' i nasilie v nezapadnyh obshchestvakh: aktual'nye problemy issledovaniy: sbornik tezisov* [Power and violence in non-Western societies: actual problems of studies: abstracts], Izdatel'stvo GBPOU Moskovskiy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy kompleks, Moscow, Russia, pp. 119, 120.
- Seleznev, A.G., Selezneva, I.A. (2016), “New sacred space, the invention of history and the global information environment: the village Okunevo in Western Siberia”, *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, № 3 (11), pp. 76–86.
- Seleznyov, A.G. (2014), “The new mythology of history: the archetype of the "ancient civilizations" and the sacred center in the village of Okunevo”, *Etnograficheskoe obozrenie*, № 5, pp. 41–59;
- Seleznyova, I.A. (2014), “The sacred centre and the outside world: problems of interaction”, *Etnograficheskoe obozrenie*, № 5, pp. 59–73.
- Shnirel'man, V.A. (2011), *«Porog tolerantnosti»: Ideologiya i praktika novogo rasizma* [«Threshold of tolerance»: Ideology and practice of the new racism], NLO, Moscow, Russia, Vol. 1, 552 p.
- Shnirel'man, V.A. (2014), “Places of power: the construction of sacred space. Introduction to the discussion”, *Etnograficheskoe obozrenie*, № 5, pp. 3–9.
- Shnirel'man, V.A. (2015), “The design of the historical heritage – the case of the Arkaim”, *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, № 2, pp. 53–65.